

Марк Вевиоровский

Сборник рассказов

Марк Михайлович Вевиоровский

Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42572838

ISBN 9785449679666

Аннотация

Пересматривая рассказы этого сборника, я еще раз убедился, что практически все они тесно касаются моих воспоминаний различного времени. Детские воспоминания всегда являются неисчерпаемым источником эмоций, картин, обстановки вокруг событий и фантазий на основе всех этих эмоциональных составляющих. Остается ощущение, что все это заготовки ненаписанной повести «Моя малая родина».

Содержание

Я ГРАФОМАН	5
НЕБОЛЬШАЯ ЭКСКУРСИЯ	13
АРХИПОВНА	32
СОРОК ВТОРОЙ КИЛОМЕТР	40
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Сборник рассказов

**Марк Михайлович
Вевиоровский**

© Марк Михайлович Вевиоровский, 2019

ISBN 978-5-4496-7966-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Я ГРАФОМАН

Для начала два замечания.

Первое – определение термина.

Оказалось, что термин далеко не однозначен и споры на эту тему продолжаются уже века. И это не описка – действительно, трактовку термина «графоман» можно найти в толковых словарях прошлых столетий.

Диапазон мнений достаточно широк – от серьезного психического заболевания до вполне безопасного бытового увлечения людей, занимающихся этим для собственного удовольствия.

Приверженцев той или иной точки зрения вполне достаточно, и к числу графоманов относят кого угодно от Золя до Кочетова, не щадя Пушкина и Леонова, Толстого и Чехова и других не менее известных писателей.

Поэтому для себя лично я в этот термин – «графоман» – вкладываю следующий смысл: человек, пишущий по велению своего сердца вне зависимости от возможности всенародного признания и гонорара, однако отнюдь не безразличный к отзывам своих друзей и близких, мнение которых ему небезразлично.

И замечание второе – опять из разнообразия терминологических определений.

Это относится к качественным оценкам литературным

произведений, которые исходно созданы не профессиональными писателями.

Я категорически не согласен, что критерий качества может служить признаком включения автора в группу «графоманов» или в группу «писателей».

Это же чушь собачья!

Правда, сам критерий «качества» далеко не однозначен – он сам по себе включает ряд таких специфических понятий, как техника, владение литературным языком, способности к созданию сюжета, способность заинтересовать читателя, и, в конце концов, талант.

Любой пишущий человек обязан владеть родным литературным языком и изъясняться понятно для читателя – даже в полузабытом эпистолярном жанре.

Да, техника далеко немаловажна, и эта техника разножанрова.

Да, способность к созданию сюжетной линии, воображение и умение воссоздания виртуальной реальности очень важны не только для авторов повестей и романов, но и для более скромных по объему произведений.

Да, очень немаловажен талант, но талант – штука дефицитная, причем уж очень много имеется профессиональных писателей талантом не особенно обремененных.

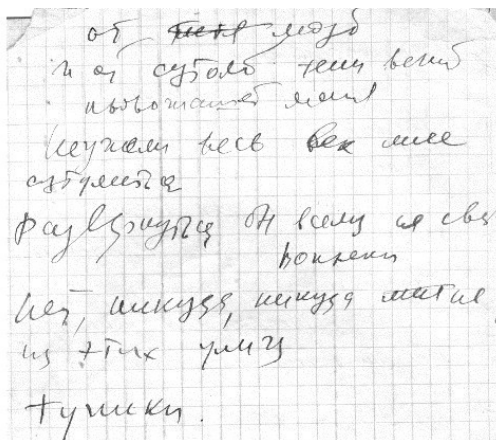
Для поэтических произведений еще очень важно умение чувствовать ритмику и музыку сочетания слов, а не только владение рифмой.

Таает снег на крышах,
Потемневший и влажный.
А ты ничего не слышишь,
И где я, тебе не важно.
А я уходу в переулков сплетение
В серый вечер от серого дня,
От людей, от сутулой тени,
Вечно преследующей меня.
Неужели весь век мне сутулится?
Эх, и развернуться бы
Всеми миру вопреки!
Нет,
Никогда мне не выйти из этих улиц.
Тупики.

Вот с этими моими личными критериями я могу себе чистосердечно отнестись к «графоманам», поскольку этим недугом – потребностью излагать свои мысли на бумагу – страдаю с детских лет. Еще в нежном школьном возрасте я начал писать – и стихи и прозу, а мои первые детские стихи правил мой одноклассник Володя Амлинский.

Мое первое стихотворение было вполне традиционным, и оно стало таким еще более после вмешательства Володи – от меня остались лишь две первые строчки.

Сохранился даже листок страницы из тетради с наброском текста рукой Володи – я стал обладателем автографа Владимира Амлинского!

от ~~твоего~~ моего
и от судьбы тем более
любопытнее мне
исходить все без мне
отбрасывая
разбужден А всему же еще
вокруг
лет, инициал, инициал, инициал
из тех улиц
турки.

По счастью не сохранилось практически ничего из написанного мною тогда...

А с Володей мы после школы так и не виделись.

Насчет своих прозаических «произведений» я тоже не заблуждаюсь – они тяжелы для восприятия, перегружены деталями и действующими лицами.

Это несмотря на несколько уже опубликованных книг популярно-технического жанра, массы статей в ряде журналов и на великое множество служебных «произведений» в виде кучи отчетов, регламентов, обзоров, инструкций и описаний технических решений...

Мне еще тогда сказали, что пишу я весьма научно, но малопонятно...

Боюсь, что эта сложность восприятия написанного мною характерна отнюдь не только для технического текста.

Несколько раз мне высказывали замечание по поводу излишней скупости текста, что приводит не только к экономии слов, но и просто делает текст скучным.

Примером может служить написанное мною и уже опубликованное.

Так, издательство договорилось с телеканалом по поводу создания книги на основе серийной телепередачи, и мне предложили написать эту книгу.

Для этого мне передали не только сотню лазерных дисков-оригиналов телепередач, но еще и служебные видеозаписи со съемок сюжетов и диски снимков фотокорреспондентов.

Оказалось, что в одну книгу уложить материал затруднительно и запланировали разбить материал на четыре сюжетные части.

Редакция поставило условие – особо не акцентировать внимание на ошибках в телесюжетах, которых было немало, и если исправлять те или иные недостатки, то делать это деликатно.

Была еще одна особенность в этой работе – иллюстрации в книге должны были быть взяты из телесюжетов, но разрешение телевизионного кадра не позволяет использовать это для полиграфии без дополнительной обработки.

Подобная обработка была не столь трудоемка, я даже де-

лал такую работу для иллюстраций, которые вставлял в печатный оригинал текста, но редакция при подготовке материала к печати этой обработки не выполнила, и в опубликованных книгах картинки были размером немного больше почтовой марки.

Естественно, такие иллюстрации в тексте не смотрятся, в особенности если они содержат много разноцветных деталей.

Дополнительным недостатком книг является мой стиль – скучный до занудливости, причем я старался недостатки телевизионного оригинала даже не называть, а просто описывать реальную технологию тех или иных операций так, как они выполняются на самом деле.

Кроме этого в издательстве была идея сделать отдельные сюжеты в стиле комиксов – такие публикации тогда появились в некоторых изданиях. Учитывая, что многие телесюжеты были связаны с известными личностями, создание отдельных небольших блоков было выполнимо, но не в виде комикса.

Для пробы я сделал такой ограниченный сюжет с минимумом текста (но конечно без слов в виде облачков изо рта!) – всего три действующих лица (отец, маленький сын и девушка-дизайнер) и три страницы с дюжиной иллюстраций.

Но редакции сперва не понравился объем, а затем вообще эту идею отставили.

Мне кажется – напрасно.

Подобные вставки были бы очень полезны в упомянутых книгах, как и вставки с высказываниями постоянных персонажей, которые за время существования телевизионного проекта приобрели большую известность.

Несмотря на отрицательное мнение руководства телеканала книги все же вышли и поступили в продажу, и при всех недостатках и высокой цене весь тираж практически разошелся.

Если вы еще не догадались, о каких таких книгах идет речь, то это книги о школе ремонта: «Школа ремонта. Стены», «Школа ремонта. Полы», «Школа ремонта. Окна и двери» и «Школа ремонта. Потолки».

Телесюжеты «Школа ремонта» на телеэкране продолжают.

Вдобавок аналогичные телесюжеты освоили и другие телеканалы...

С теми же недостатками и недоговоренностями, что и раньше, хотя иногда предлагаемое с телеэкрана настолько далеко от возможностей (и даже потребностей) нашего массового зрителя...

Зато при создании упомянутых книг я был волен в выборе сюжета, его развития и оформления.

Почти ничто из написанного мною не выполнено по прямому заказу (кроме рекламных текстов в «Комсомольской правде»!), без эмоций не написано ни строчки стихов, а создаваемая мною виртуальная реальность всегда содержит

приметы окружающего мира.

Читайте!

НЕБОЛЬШАЯ ЭКСКУРСИЯ

– Где здесь производят брак?

– Что?..

– Где здесь браки делают? Привет!

– Ой, ты меня напугал! Привет! Ну, никак тебя не ждала!

Откуда ты взялся?

– Убежать можешь?

– Как это убежать?

– На некоторое время. Ненадолго? Может, мне с Натальей Евгеньевной поговорить? Или с Наташей Бурмистровой?

– А ты, что, их знаешь? Ну, если не надолго... Я попробую... Подожди меня на улице.

Он встал чуть в стороне от кучки свидетелей, ожидающих своих брачующихся, но она сразу нашла его глазами.

– Как же ты меня отловил? Ведь я через день работаю...

– Прекрасно выглядишь. Или этот дом молодит?

– И ты совсем не изменился... Для чего ты меня выкрал?

– Давно не видел... Хочу провести с тобой маленькую экскурсию по своим родным местам. Я тут недалеко родился и жил тут довольно долго... Историю своего здания, надеюсь, ты знаешь?

– Ну, в общем...

– Значит не знаешь. Это дом купца по фамилии Рерих, после революции тут было общежитие МИДа, а во время

войны – Британская военная миссия... Висел большой флаг, у подъезда стояли их, английские джипы... Я это все помню...

– А я и не знала, что это твои родные места... А вот тут теперь театр...

– Да, я знаю. Только экскурсия будет не по сегодняшней Москве, а по той, по моей... Думаю, узнаешь много нового...

– Но меня скоро хватятся.

– Ничего, мы недолго... Вон там, где на углу этот новодел, была школа, в которой учились мои сестры – школа была женская и перед зданием стоял небольшой бюст Некрасова... Ведь я учился так давно, когда еще мальчиков и девочек учили отдельно.

– Ну, и как это? Учится отдельно?

– Вопрос философский. Важно ведь не только, что отдельно, но еще и как учить... А вот этот дом...

– Там театр...

– Я же сказал, что экскурсия будет по старой Москве... Этот дом для меня памятен тем, что вот здесь, в квартире на первом этаже жил один из маминых учителей, профессор, который пытался учить меня играть на гитаре... Но он был самоучка и я не смог постигнуть этой премудрости...

– Но этот дом был моложе соседнего...

– В этом доме бывал Ленин, здесь он слушал игру тогдашнего виртуоза Исаия Добровейна, и даже кино про это снимали здесь. Здесь, на квартире сестры Горького, «буревестник

революции» читал Сталину «Девушку и смерть», и Сталин сказал, что это посильнее, чем Фауст Гете. А еще в этом доме жил радист Кренкель из четверки папанинцев и еще один из моих одноклассников, который позже стал писателем...

– Да ну?!

– Учился плохо, литературу знал лучше нашего учителя...

– Не хочешь о нем рассказывать?

– Это может затянуться очень и очень надолго. За ним последуют другие мои школьные друзья, а это история бесконечная... Тут жил один ученый, и его именем названа улица...

– Чаплыгин?

– Тс-с! Пусть некоторые имена и названия будут пока скрыты, так интереснее! Хотя непонятно, почему это улица – такой же переулок, как соседний... А внимание на этого ученого я обратил знаешь когда? Когда читал книгу «Жизнь Бережкова». Там все герои – подлинные, только спрятаны под другими фамилиями, и я с интересом расшифровывал их настоящие фамилии.

– И как – успешно?

– Успешно и страшно интересно! Столько прочесть пришлось! Там почти у всех героев есть реальные прототипы, а иногда даже по два... Где-то дома валяется старый выпуск «Роман-газеты» с первой публикацией, и там в конце я сделал расшифровку подлинных имен и фамилий...

– А тут латвийское посольство... В этот дом попала бомба

при первом налете немцев в сорок первом... Я первый налет наблюдал из окна поезда, увозившего нас в эвакуацию...

– Идем, идем! Там ничего не видно! Да и тогда с улицы не было видно.

– Так ты же уехал?

– Мы вернулись в сорок третьем... Тут понастроили всего, но вот эта булочная в изразцах осталась...

– Между прочим вон там, подальше, есть интересный музей-квартира художника Васнецова, чуть ближе жил мой одноклассник Колька, и вообще можно устраивать экскурсию по одному этому переулку...

– А дальше, вон там, за тем домом, моя школа. Я помню, как ее строили еще перед войной.

– Сколько же тебе было до войны?

– Ну, я старый! Красные кирпичи на стену подавали по ленточному транспортеру прямо от тротуара, и кирпичи ехали вверх, и мне было очень интересно наблюдать за ними. Но учиться я начал не здесь, а в другой школе – тут стояли военные, и я перешел сюда учиться, отучившись год в другой школе. Там тоже очень интересное здание...

– Далеко?

– Нет, тут рядом. Это здание позапрошлого века, там было Долгоруковское мужское ремесленное училище. В начале войны там формировали 4-ую дивизию народного ополчения, должна быть памятная доска...

– Потом это была школа №310, а теперь школа №1621 ев-

рейского этно-культурного центра Эц Хаим...

– Но вернемся... А этот домик так и стоит с тех пор! Тут жил один мой одноклассник, кажется Луковский... А сзади – видишь? – какой урод поселился!

– А вот дальше... Вообще сейчас уже трудно представить себе, как выглядела улица тогда. Понастроили бетонных уродов... Но и тогда маленькие домики старой постройки уживались с более современными. Давай свернем и пройдем чуть дальше. Смотри!

– Что-то очень старое?

– Это училище Фидлера, но так сильно перестроено...

– Что?! Училище Фидлера? Неужели... то самое?!

– Да, то самое. И в этих местах были бои во время первой русской революции, а в нашем дворе ребята нашли в земле заржавевший браунинг...

– Пойдем поближе!

– Пойдем! Ты потом сможешь походить тут и посмотреть все спокойно, а теперь обернись. Видишь дом, замыкающий переулок? Фронтон видишь?

– Вижу.

– Так на этом фронтоне была надпись – «Дом политкаторжан». В каком году исчезла надпись из бетонных букв – не знаю.

– Каких политкаторжан? Еще царских?

– Да. Этот дом, вернее, несколько домов, были построены в двадцатые годы для каторжан-революционеров и ссыль-

но-поселенцев.

Монолитный железобетон, все удобства, мусоропровод и даже мусоросжигательные печи в подвале. И жили здесь политкаторжане, но тогда дворы были с заборами и общение было... ограниченное.

– Что, охрана была?

– Нет, охраны не было. Кроме первого этажа, где размещались какие-то моряки.

– И еще – видишь этот дворец на углу?

– Это гимназия Табакова?

– Тут был невзрачный двухэтажный дом с продуктовым магазином, кажется было общежитие табаковцев из подвала... А теперь красота!

– Мой дом следующий, там, правее. Но пройдем назад, на бульвар. Только по дороге – да не заглядывайся ты на Фидлера! – этот переулок, изуродованный бетонным монстром, носит не менее громкое имя улицы Жуковского – Николая Егоровича.

– Посмотри еще на один дом. Здесь родилась известная актриса...

– Но нет памятной доски...

– Это – Андровская, в девичестве Шульц. А это видишь?

– Дом как дом... Надпись какая-то... Римские цифры!

– Точно, римские цифры! Мне стало так интересно, когда я разглядел это, что я разобрался в римской нумерации и даже маме подарил календарь на следующий год, надписав

год римскими цифрами. Теперь цифр уже не помню, не расшифрую...

– А еще этот дом, вернее, этот подъезд «играл» в одной из серий «Следствие ведут знатоки». Только почему-то побоялись надпись над подъездом показать, но дом я все равно узнал, несмотря на то, что дверь была «неродная», замененная...

– А это мой бульвар. Посидим?

– А сзади нас еще один театр.

– Тогда это был кинотеатр, наш, придворный, под названием «Колизей». Здание почти не изменилось – здание добротное, строилось как нормальное зрелищное заведение – с балконом, с ложиями. Теперь его, конечно, подправили, но и тогда внизу, в партере, было семьсот мест. А вон там, где эти окошки над входом, был тир, и мы туда ходили, купив в магазине по коробке пулек. Купишь в тире десяток пулек, остальные в рот, и стреляешь, пока хозяин не выгонит... А слева от кинотеатра маленький домик – теперь малая сцена. Там жил мой одноклассник. Я был у него дома, его мать торговала мороженым, и мы ели хрустящие стаканчики от мороженого...

– А бульвар изменился, и пруд тоже. Раньше мы тут на лодках катались, зимой на коньках, а в скольких фильмах снимался этот бульвар! И до сих пор снимается! «Привет, дураlei!» тоже вот тут снимали, одну сцену...

– Сейчас за этим уродом-рестораном не видно, а вообще

отсюда было видно Меньшикову башню – то, что осталось от старой церкви.

– Теперь посмотри налево. Нет, туда смотреть не надо, там кинотеатр Ролана Быкова, тогда кинотеатра там не было. Но зато вон тот дом – высокий – был, и он знаменит не тем, что мне довелось в нем пожить, а плодовитым московским архитектором Дриттенпрейсом. Любой его дом узнать просто – он изукрашен статуями дам весьма крупного размера с богатыми формами. Они стоят с фасада на улицу, которой вернули имя «Покровка» после того, как поставили памятник Чернышевскому – под его фамилией улица жила долго...

– Но с точки зрения истории куда интереснее вот тот задрипанный домик. Видишь? Это постоялый двор, придорожная гостиница постройки архитектора Стасова. По бульварному кольцу проходил городской вал, и при воротах стояли постоялые дворы, а ворот было не столь много – по числу столбовых дорог. Это здание постоялого двора – последнее из хорошо сохранившихся...

– Все остальные снесли, даже самый интересный, на улице Горького. Я еще застал его, и бывал в нем – там внизу помещалась аптека, а выше комиссия по маломерному флоту, и я там сдавал экзамены на право управления маломерным судном.

– Вот этот – двухэтажный, но первый этаж каменный. А там было больше этажей, не менее трех, и еще мезонин,

но все деревянное. Сквозные коридоры от улицы до улицы, выходы во двор с каретными сараями в глубине заросшего травой двора с воротами на две улицы. Там проживали обычные жильцы, и в широком коридоре на дверях квартир висели почтовые ящики с наклеенными шапками выписываемых газет...

– А этот постоянный двор стоит, замыкая двор внутри с одними воротами, вернее аркой. Памятник старины, охраняется законом. Обойдешь – увидишь, как его освоил частный капитал.

– А правее дома Дриттенпрейса, сюда ближе – вон тот – стоит дом, где жил Сергей Эйзенштейн, а над ним жил его оператор Тисе...

– Слушай, тебе экскурсии водить надо! Я серьезно. Здесь есть экскурсионный трамвай...

– Да, его кольцо – вокруг бульвара. Там, между постоянным двором и бульваром есть трамвайные пути, и вон там снимали эпизод из фильма «Место встречи изменить нельзя», когда трамвай поворачивает с бульварного кольца налево...

– Будешь проходить там и посмотри вверх – на стене дома дореволюционной постройки увидишь знак Осовиахима...

– Тут почти у каждого дома есть биография. Но это скорее биография моего детства. Тут стоял двухэтажный домик, где жил один из моих одноклассников, вон в том доме жил другой, с которым мы сидели на одной парте в старших классах, дальше, уже ближе к метро, жил еще один мой однокласс-

ник... Вон там, где вход под навесом...

– У него отца убили 9 мая 1945 года в Вене. Сбросили с грузовика стальную балку на открытую машину с нашими офицерами. А мама отдала его в Суворовское училище. Потом он кончил училище имени Верховного Совета, что у нас в Кузьминках, потом стал художником, а теперь, вроде, редактор одного детского журнала...

– А еще дальше, ближе к метро, стояло когда-то задние вот этого кинотеатра, теперь театра, тоже хороший зрительный зал был, только деревянный. Сгорел. Там теперь проходной двор, которым ты можешь пройти к себе, к Грибоедову. Да и напротив, через бульвар, много интересного. И почтамт, который был выгнан биржей, а это целый комплекс зданий, и китайский чайный магазин, и здание Вхутемаса, и здание страхового общества «Россия»...

– ВХУТЕМАС?!

– Угу. От чайного магазина в сторону Бульварного кольца. А по Бульварному кольцу дом с башенкой – здание общества «Россия», тоже со своими историями и участием в киносъемках. Ну, здания библиотеки, которая была в середине этой площади, уже нет, а хорошее здание было – так было приятно ходить туда в читальный зал. Ты что?

– Голова кругом идет... Слушай, пойдём к твоему дому?

– Ладно. Только выйдем на минуточку на Покровку. Пройдем вон там, мимо разрисованного дома... А этот магазин одежды на углу был, кажется, всегда...

Они прошли вдоль вывесок и дверей самых разных заведений, расположившихся в памятнике старины, и вышли на странный двойной перекресток – небольшой отрезок улицы находился между двумя линиями трамвайных путей.

– Давай перейдем, пока машины стоят! Вот тут, в этом старом здании находился еще один кинотеатр. Маленький зал на втором этаже. Мы с ребятами здесь тоже часто бывали. Потом здание признали аварийным, для зрителей опасным, и разместили на месте зрительного зала на втором этаже швейную мастерскую.

– Не может быть!

– А там, чуть подальше зоомагазин – он был одним из лучших в Москве. Тут, куда ни повернись, памятники моего детства. Парикмахерская. Табачный магазин, где я когда-то бабушке покупал папиросы «Герцеговина флор».

– Постой, это с чем-то связано...

– Это папиросы Сталина. Он крошил табак из этих папирос в трубку... А вон там, вон в том доме, старая аптека. В этой аптеке меня спрашивали, не сынок ли я, и называли имя моего дедушки – старые рецептары помнили моего деда, он был врачом. А рядом – церковь, в которой тогда было какое-то областное управление культуры, и в перерывах между заседаниями молодые деревенские девушки забегали в аптеку и на весь зал орали: «Девки! Гандоны есть!»...

– Идем, а то я разболтался.

– Но это же так интересно!

– Идем, идем. Памятник Чернышевскому, который поставили незадолго до переименования улицы снова в Покровку. А дальше – смотри! – это же знаменитый дом-комод!

– А там, позади памятника Чернышевскому?

– Так мы с тобой отсюда долго не уйдем. Это дом НКВД, в первом этаже которого предусматривалось размещение станции метро... Там военное ателье. Позади дома знаменитые Покровские казармы. Левее еще в 20-е годы помещался концлагерь, стыдливо называемый «трудовым». Левее – отсюда не видно – старинный родильный дом, где, скорее всего моя мама и родила меня...

– Это Лепехинская лечебница, роддом там открыли в 1907 году, а первым главным врачом был знаменитый Грауэрман... Институт охраны материнства в 1936 году был переименован в Научно-исследовательский институт акушерства и гинекологии (МОНИИАГ), теперь это база Управления охраны материнства и младенчества Московского областного отдела здравоохранения...

– Обернись – в первом этаже была еще одна достопримечательность Москвы – рыбный магазин. Тут можно было купить живую рыбу – прилавки были в виде аквариумов, и понравившуюся рыбу тебе вылавливали сачком...

– А теперь?

– Рыбное кафе там, за углом. И скромная библиотека в этом маленьком переулке – осторожно, машина! Это ведь единственный поворот с Покровки на Бульварное кольцо...

– Устала? Если хочешь, то пойдём и посидим около Чернышевского...

– Такая концентрация информации...

– Тебя выгонят с работы за прогул...

– Ну и пусть...

– Вон дом-комод – знаменитейшее здание, связанное с именами наших выдающихся соотечественников...

– Идем. Тут можно часами рассказывать о каждом доме...

Вот тут, в подвале, был очень интересный магазин с экзотическими фруктами – тут можно было купить шишку ананаса...

– Тут во дворе в громадной коммунальной квартире жил мой школьный товарищ...

– Там – придворная булочная, правее народный суд, где я разводился со своими женами, а вон там я родился и долго жил в комнате, окна которой выходили на улицу...

– Дом постройки примерно 1901 года, доходный дом с двумя квартирами на каждом этаже.

– Такие большие квартиры?

– Не такие уж и большие. В громадном доме Дриттенпрейса по фасаду всего две квартиры – коридорная гостиничная планировка. Видно, что там на втором этаже квартира перестроена в игровой клуб...

– А здесь вон те два окна – за этими окнами я провел мои детские годы после возвращения из эвакуации. Тут всего три парадные комнаты по фасаду и три комнаты для прислуги

окнами во двор.

– Стены толщиной боле полуметра – я клал подушку со старинного кресла на подоконник и ложился на нее. Почти весь умещался, и смотрел на улицу – на трамвай, на машины. Представляешь, здесь ходил трамвай, и остановка была прямо под окнами!

– Да, в те времена улица была с двухсторонним движением – можешь себе представить! И шум не мешал мне спать...

– Во дворе стоял одноэтажный флигель – наверное, для семьи дворника, а жили там две семьи с удивительными девочками-двойняшками... Там теперь вон тот новодел... А еще во дворе был длинный кирпичный сарай, разделенный на отдельные ячейки по числу квартир, причем с подвалами. Там держали картошку, складывали ненужные вещи, а мы лазили на чердак и там... В общем, там мы играли...

– А в доме жили сын и дочь бывшего хозяина этого доходного дома, и я с ними был знаком. Сын учил меня фотографии...

– Дальше далеко не пойдем, а чтобы не переходить улицу поверь мне на слово, что на том небольшом доме есть – а может быть уже была? – надпись «Медсанстрой». Тоже памятник послереволюционного строительства. А вон там, во дворе, гостиница «Урал» – гостиница партийных работников, засветившаяся в ряде мемуаров. А теперь обычная частная гостиница без особых звезд...

– Сюда, сюда. Это один из проходных дворов моего дет-

ства. И мы выйдем на другую улицу, хотя на самом деле – переулок. Раньше эти дворы были тихие-тихие, это теперь тут размножились машины и ракушки. И раньше не было ни единой машины у тротуара...

Они свернули в низкую арку, над головой на сводчатом потолке виднелись какие-то металлические пластины и крупные гайки, а шаги отдавались негромким эхом...

– Это очень старые бани. А через этот проход можно попасть в следующий переулок...

Он подсадил ее на высокую ступеньку, и они оказались во дворе, окруженном старинными зданиями, и со странным стеклянным фонарем на асфальте – стекло запотело и оттуда доносился какой-то шум.

– Это все от бани. А арка выходит на следующий переулок, тоже носящий название улицы – тут несколько достопримечательностей. Если отбросить те, что из моего детства, то останется мемориальная квартира великого художника, о которой я тебе уже говорил, да институт с мировым именем офтальмолога...

– Гельмгольца?

– Да. Его старинная усадебная часть выходит вон туда, на широкое Садовое кольцо... Я тебя уже замучил?

– Ты не мог бы появляться почаще и вываливать на меня за один раз поменьше информации?

– Если бы мы пошли с тобой направо, то пришли бы опять на Покровку. Но на углу нет старого здания кинотеатра – там

тоже был небольшой зрительный зал был на втором этаже и там я впервые тискал девочку... Теперь там здание крупного современного кинотеатра. И с этим местом было связано многое в моей жизни... А кругом там – памятник на памятнике, и не только из моего детства... В приходской книге несуществующей теперь церкви есть запись о рождении моей мамы... Но мы пойдём налево.

– Слушай, я чего-то не понимаю, или... Что случилось?

– Не обращай внимания. Просто я очень давно не был в этих местах. А вон в том доме я тоже... тоже жил некоторое время...

– Садовая теперь тоже другая, забитая машинами... Но кое-что осталось. Обернись. Что видишь?

– Старый дом, подъезд... Как будто дом зажат с боков другими...

– Это дом в три окошечка Алексева, которого больше знают как Станиславского... Там есть... был зрительный зал, в котором долгое время была столовая...

– Вон тот дом – дом МПС, построенный еще Дзержинским, дальше один из высотных домов – родственник Пизанской башни, а тут старинная усадьба, где разместился почтовый ящик, а по легенде когда-то жила Салтычиха...

– Станиславский, Дзержинский, Салтычиха... Слушай, у меня уже голова идет кругом!

– Почему бы и нет? Там, в переулке, который мы прошли, дворец Юсуповых, где долгое время размещалась Ака-

демия сельхознаук, а теперь ее уродуют реконструкцией... А это памятник советского конструктивизма – старый выход из метро. Красиво, правда?

– Очень! Я не обращала раньше внимания, когда выходила с этой станции, какая она красивая...

– Идем, идем... Улица Мясницкая, потом Кирова, потом снова Мясницкая – улица старая и еще не очень изуродованная. Но, пожалуй, я тебя пожалею и сокращу немного экскурсию... Но обойти здание постройки Корбюзье нельзя, здесь с самого начала прописался Госкомстат. Здание исходно ориентировано на другую сторону – фасад с другой стороны, теперь там проспект Сахарова. А первый этаж изуродовали давно – его просто не было, а были колонны, которые поддерживали все здание...

– Много старинных усадеб еще сохранилось, я уже и не помню, чьи они были и что там теперь... Но тут есть один маленький домик, который прославился своим постояльцем, хотя и временным... Вон, в конце того забора, перед зданием Корбюзье, видишь...

– И кто же это?

– Сталин. Он некоторое время жил здесь в 1941 году, а рядом, под землей, около станции метро Кировская, располагался командный пункт Совета обороны. Большое здание рядом всегда было из разряда особых, секретных, а теперь, кажется, им владеет радиоэлектроника. По крайней мере окна на площадь со специальными стеклами...

– Нет, пойдем мы не туда, а к тебе, к Грибоедову. Это здание института машиноведения – тоже старинное, но его фасад вблизи не виден, а он очень интересен. Но обрати внимание на эту старинную усадьбу...

– Да, очень красивое здание... Там какая-то морская организация, якоря и пушки...

– Чья усадьба – не помню. Но тут помещался институт благородных девиц, где когда-то до революции училась моя бабушка... не родная, но для меня – бабушка...

– Не может быть! Она была дворянка?

– Она была поповна, дочь деревенского батюшки... Но, видимо, институт был таков, что ее приняли... А вот и твой Грибоедов, хотя осталось еще очень много достопримечательностей, но время неумолимо...

– И ты опять исчезнешь на неопределенный срок... Но все равно спасибо тебе! Теперь я смогу ходить по этим улицам и вспоминать... и тебя тоже...

– Где здесь производят брак?

– Что?..

– Где здесь браки делают? Привет!

– Ой, ты меня напугал! Привет! Ну, никак тебя не ждала!

Откуда ты взялся?

– Убежать можешь?

– Как это убежать?

– На некоторое время. Ненадолго?

– Но это невозможно! Нас всего двое дежурят!

– Я так и думал, и поэтому написал эти несколько страничек... Привет!

– Куда ты? Остайся, поговорим...

– Будь счастлива!

Я прошу прощения у читателя за некоторое смешение времен в тексте, но все остальное – истинная правда.

АРХИПОВНА

Мы часто туда ездили в командировку.

С утра самолет, потом трамвай и автобус.

Уже вечером – расстояние и часовые пояса – выходим на первом перекресте проспекта Ленина.

Идем направо. Недалеко чайхона – еще работает. Берем лагман – понятное кушанье даже для москвичей.

Потом заворачиваем за угол и двухэтажное здание гостиницы с уютной Архиповной.

Василиса Архиповна была хозяйкой нашей гостиницы, и лучшим подарком для Архиповны была буханка обыкновенного черного хлеба, которую мы ей привозили из Москвы.

Чуть дальше по улице – тупик, ворота и проходная предприятия, когда-то давшее жизнь городу. Мы оформляем пропуска – ходим по кабинетам, носим бумажки, получаем резолюции и к обеду получаем пропуска и проходим на территорию.

С проблемой пропусков была одна история – возможно, я к ней еще вернусь.

Дальше по территории идем к «своему» производству, к тому, куда мы приехали.

Начальник производства – этнический немец, из немцев Поволжья, руководитель знающий, опытный и авторитет-

ный. Он не только давно руководит крупнейшим производством, но еще и читает лекции в Ташкенте в столичном ВУ-Зе.

Всю профессиональную деятельность свою мы убираем за скобки.

В обычный рабочий день мы уходим на обед после полудня и идем в чайхону.

Там уже готов плов в гигантском котле и жарят шашлыки. Мы берем по тарелке плова – глубокая обеденная тарелка с горкой, а после плова еще две-три палочки шашлыка и запиваем парой пиалой чая.

После этого сил хватает сил только для того, чтобы доползти до кровати в гостинице – мертвый час. Конечно, не каждый день мы устраивали такой расслабон...

Что-то делали, что-то новое.

Приехали сотрудники в помощь для создания лаборатории для исследования образцов катализатора, и помещение для этой лаборатории выделили на краю территории.

Забор, даже заборчик, калитка.

А там старое русло реки с гигантскими валунами, много отдельных струи ледяной воды – все-таки истоки были изпод ледников Тянь-Шаня.

Никакой колючей проволоки, никакой охраны...

Механик, приехавший с нами, научил местных правильной работе без дураков.

Сюда, подальше от войны, перевозили оборудование их

европейской части страны – я нашел это в музее предприятия, сюда после войны везли оборудование по репарациям и решали все проблемы стыковки нестыкующегося старого отечественного оборудования с немецким...

Заказывали запасные элементы установок за рубежом – австрийцы пытались нас обмануть. Все было изготовлено очень аккуратно, все сварные швы зачищены, но...

Элемент конструкции с зачищенными швами оставили на улице около цеха, и стало видно, что некоторые зачищенные до блеска сварные швы стали ржаветь как обычная углеродистая сталь. Обманули? Да, некоторые элементы были изготовлены из простой стали вместо нержавеющей.

В нашей гостинице селились командировочные из других организаций из Москвы и Зеленограда – почему-то редко нам встречались приезжие из других мест.

На противоположной стороне улицы стоял серый кубик – филиал нашей московской организации, и начхоз филиала почему-то «полюбил» нас.

На выходные нам давали автобус, и мы всей гостиницей – молодежь – выезжали на природу.

А природа – это были отроги Тянь-Шаня.

Проезжали дивные луга, сплошь покрытые тюльпанами – причем все поле было одного цвета с редкими точками другого цвета. А другое поле все было другого цвета.

Местные говорили – чемодан тюльпанов и на рынке в Москве заработаешь на автомобиль.

Мы уходили мимо домов отдыха и пионерлагерей – выше, находили ровную площадку. Девчонки из Зеленограда загорали, ребята пытались поймать в ручье форель – а она здесь водилась.

Вечером усталые, обгоревшие и голодные мы возвращались в гостиницу...

Проблема утреннего завтрака часто решалась простым образом – совсем недалеко находился базар – нормальный азиатский базар. Пройдя по рядам с фруктами можно было напробоваться до отвала, но был более вкусный вариант.

Слева от входа находилась небольшая палаточка, где изготавливали чебуреки.

Их изготавливали на глазах стоящих перед палаткой – раскатывалось тесто, его растягивали, подкидывая над головой и вращая полотно, потом формировали чебуреки укладывая мясо и бросали их в кипящее масло.

И из кипящего масла горячий чебурек был изумительно вкусен и съесть больше двух не удавалось даже занятым обжорам. После этого можно было и на работу.

Одна из наших подружек шла притопывая, и пожилой узбек сказал:

«Середка сытая, кончики заиграли!»

Командировочных в те года хватало и на тарелку плова с шашлыком, и на ужин в гостинице с бутылкой местного вина.

В нашей короткой улице в левом тупике находились во-

рота (и проходная) другого крупнейшего машиностроительного предприятия, тоже всесоюзного значения, а напротив нашей гостиницы в невзрачном одноэтажном домике находился Госбанк.

Рядом вдоль проспекта Ленина тянулся красивый парк, и мы гуляли там, а вечером там бывали танцы.

А с другой стороны за плотным дувалом находился городок из вилл для руководства, выстроенных очень давно, еще когда здесь занимались проблемой тяжелой воды.

А потом отсюда в Москву приехал будущий Министр химической промышленности союза Кастандова.

А Архиповна...

Архиповна по-родительски заботилась о нас, молодняке в гостинице...

И историй таких было немало, но...

Лучше я вспомню пару историй из производственной жизни...

Трагическое воспоминание.

Наличие утечки газа решили устранить подтягиванием гайки.

Привело это к возникновению огненного факела, после чего отключили систему.

Обгоревшие ремонтники шли своим ходом на газоспасательную станцию в остатках одежды.

Но погибли они не от ожогов. Они погибли от отравления ртутью.

Дело в том, что расход в газовых потоках высокого давления измеряли диафрагмами и фиксировали приборами под названием «газовые весы» (кто не знает – поищите в Интернете).

Газовые весы – замкнутый бублик, внутрь которого залита жидкость, а данном случае это была ртуть. Факел расплавил газовые весы и испарил ртуть, а пары ртути пропитали одежду (остатки одежды) обгоревших.

Спасти их не удалось.

В этом случае были нарушены два кардинальных правила техники безопасности.

Первое – подтягивать гайки при пропуске газа (жидкости) под давлением нельзя.

Второе – все слесарные инструменты для работы в пожароопасных и взрывоопасных помещениях должны быть безискровыми. Без искры не было бы факела.

А теперь повеселее.

Проблема национальных кадров в те годы стояла достаточно остро и на руководящие должности ставили настоящих специалистов, профессионалов – русских, украинцев, татар, немцев...

Тут, по какому-то случаю на должность начальника отдела кадров назначили молодого человека коренной национальности.

Я очень удивился – последнюю подпись для получения пропуска должен был поставить начальник отдела кадров.

Я вошел в кабинет и оторопел – при виде меня из-за стола встал молодой начальник и поздоровался со мной.

Это вместо старого тучного украинца с хитрыми глазами!

Начальник был очень вежлив и даже подобострастно любезен – с чего бы это перед молодым москвичом.

Очень скоро мне пришлось снова приехать сюда с начальником, и черт меня дернул поспорить с ним.

Я пообещал, что пропуск на предприятие мы получим с одной подписи.

На что мы поспорили – не помню.

Мы вошли в кабинет нового начальника, и он тотчас встал и поздоровался.

Мой начальник отошел от ступора только на территории по пути к нашему знакомому-немцу.

Начальника отдела кадров быстро заменили, и хозяин кабинета перестал вставать при виде посетителя.

И еще под конец почти анекдотический случай.

В одном из технологических процессов использовали в качестве катализатора сетку из драгоценных металлов (дороже золота), и вдруг рулон такой сетки со склада исчез.

Поиски долго не давали результата, пока за дело не взялся местный умелец (такие имеются практически везде).

И он нашел похищенную сетку – этой сеткой оказался огорожен садовый участок одного из мелких местных работников. Она ему понравилась! Не темнеет, не ржавеет, и еще красиво. Выгнали с работы, а могли бы расстрелять – стра-

тегический материал.

Я давно там не бывал в командировке.

Говорят, гостиницу перенесли, расширили.

И вряд ли там есть наша любимая Архиповна.

А проблема национальных кадров – проблема длительная и устойчивая.

Мне не приходилось бывать в гостях у местных жителей, но мне рассказывали, что вполне европейски образованный хозяин удалял жену из комнаты с гостями.

А на установке, созданной нами для проверки идеи болгарского профессора, начальником был местный товарищ, но мы его видели раза два в месяц, когда он приезжал за зарплатой и привозил нам виноград из своего сада – крупный и вкусный.

Я бывал в командировках на других предприятиях этой союзной республики, и картина менялась мало. Местными были работники столовой, профилактория, а на секретном производстве вообще не было местных кадров – были в большом количестве татары и русские. И немцы Поволжья.

Кстати, в «образцовом» новом городе посреди песков большое количество татар затем вызвало нешуточные волнения, когда коренное население сочло себя обойденным и обиженным и начало качать права...

СОРОК ВТОРОЙ КИЛОМЕТР

«Сорок второй километр» – точнее «Платформа сорок второй километр» – подмосковная станция, где электрички движутся как в Англии по левой стороне.

Я должен помнить эту обычную дачную станцию еще до войны, но я помню ее в годы победы. И позже...

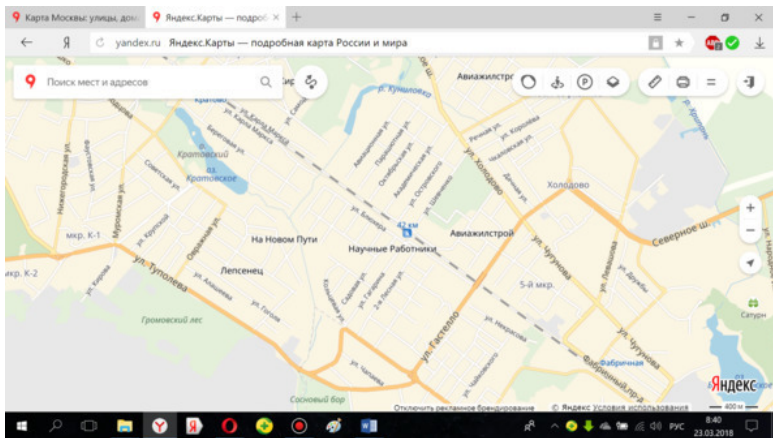
Одна островная платформа, переход от платформы по дощатой дорожке через пути, рядом с платформой расположены дачи членов дачного кооператива «Научные работники».

Железная дорога Москва – Рязань очень старая.

Участок Москва – Коломна был утвержден в 1860 году для связи Москвы с хлебными житницами Поволжья: в Коломну зерно везли по воде.

Строили англичане, отсюда и левостороннее движение, и оно сохраняется таким до сих пор – оказывается, переделка всей путевой автоматики и сигнализации слишком дорогостоящий и длительный процесс.

И уже в 1898 году дорога обслуживала пассажиров на станциях Сортировочная, Перово, Шереметьево (теперь Плющево), Вешняки, Косино, Подосинки (ныне Ухтомская), Люберцы, Томилино, Малаховка, Удельная, Быково, Ильинская, Раменское.

Карта современной территории около станции «42-км».

Станция «42-й километр» появился значительно позже – в 30-е годы тут сформировалось ДНТ научных работников (видимо Добровольное научное товарищество – кооператив того времени), и одним из членов этого товарищества был профессор Григорий Николаевич Каменский, учитель моей мамы.

Я был знаком с Григорием Николаевичем, был знаком с его дочкой Аней, и бывал на их даче в 70-годы прошлого века.

Но скорее всего ДНТ научных работников не являлось единственной причиной появления «Платформы 42-й километр» – на другой стороне железной дороги формировался как от тогда назывался ДСК «Авиажилстрой», где нахо-

дились дачи авиаконструкторов Н.Н.Поликарпова и С.В.Ильюшина, начальников ЦАГИ Н.М.Харламова и М.Н.Шульженко. Кооператив был большим и имел три территории – недалеко от железной дороги на улицах Авиационная, Парашютная, Ленина; чуть в стороне на улицах Островского, Пограничной и др., и на другой стороне Раменского шоссе – на улицах Ворошилова, Большой (теперь все переименовано). Рядом формировался ДСК «Академик», переименованный позднее в ДСК им. Ломоносова.

Теперь перечень станций расширился: Москва-Казанская, Электrozаводская, Сортировочная, Новая, Фрезер, Перово, Плющево, Вешняки, Выхино Косино, Ухтомская, Люберцы, Панки, Томилино, Красково, Малаховка, Удельная, Быково, Ильинская, Отдых, Кратово, 42-й километр, Фабричная, Раменское...

Вообще общий раздел моих воспоминаний «ДАЧИ» правильнее было бы начать именно с «42-го километра», хотя бы просто потому, что мои детские воспоминания начинаются с этих дач.

Эти воспоминания связаны с трагическим обстоятельством, из-за которого я и заболел астмой.

Но «ДАЧИ» начинаются не со станции «42-й километр», а как оказалось (из дневника мамы) мы некоторое время жили недалеко от Раменского, в другой деревне.

Там-то я и видел запуск планеров, которые запомнил и затем потрясал своими рассказами маму и бабушку. Хотя

именно там и тогда кто-то зафигачил мне в лоб бильярдным шаром, от чего у меня довольно долго ощущалась шишка.

Это уже потом был «42-й километр», где мы проживали до войны, до отъезда в эвакуацию, и это я уже помню более или менее четко.

Сперва мы жили в доме Елизаветы Акимовны – просторном одноэтажном доме с большими городскими окнами. Воспоминания, связанные с этим домом, отрывочные.

Зимой выгребали нечистоты из встроенного в дом туалета, и меня пугали – теперь там чисто, нельзя туда «ходить» и «пачкать», смеялись надо мной.

Сюда в гости к нам приходила девочка Зоя Хомутова – она жила в крайнем доме на нашей улице, дальше была уже железная дорога. Меня тоже водили в гости к Хомутовым, но Зоя была старше меня, и мне с ней было не особенно интересно.

У Хомутовых был дядя Коля, которого мы называли Колесиса – у него был мотоцикл с коляской. С этим мотоциклом он и ушел на войну, а вернулся с трофейным штабным фургончиком, не новым, с продавленными диванами в кузове, с вытаскивающимся из щитка рычагом тормоза.

Мне так и не довелось поездить с ним ни на мотоцикле, ни на фургончике.

На огороде у Елизаветы Акимовны рос укроп, который мне очень нравился, но рвать его мне не разрешали. И я приспособился, и когда меня упрекали, что я продолжаю воро-

вать укроп с грядки, я отвечал – я не рву укроп, и я честно ем его губами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.